

Красноярск. Четвёртое ноября 2017 года, суббота. Снежок, лёгкий морозец...

С утра тороплюсь на книжную ярмарку. Еду автобусом двадцать седьмого маршрута по улице Мичурина, через Октябрьский мост над Енисеем, к выставочному центру «Сибирь». На улице Авиаторов иду к шестиэтажному зданию. Невысокое крыльцо, стеклянная вертушка, холл, правый павильон, стенд Н-5. На столиках разложены литературные журналы и антологии, на полочках стоят книги.

Десять часов утра. Участники ярмарки ещё лениво рассаживаются за столы, раскладывают и перекладывают книги, а в проходах уже появляются потенциальные покупатели. Сегодня третий день продаж, середина ярмарки и первый из предстоящей череды нерабочий день для трудящихся страны. Народу ожидается много. Здравуюсь с подошедшими коллегами-литераторами.

— Как торговля?

— Нормально, больше смотрят, чем покупают.

— Ну, так и должно быть. У нас то же самое. Ярмарка...

— Ярмарка...— соглашаюсь я.

А народ всё прибывает. Некоторые останавливаются и у наших столиков, неторопливо листают журналы. Смотрю молча — не мешаю. Седовласый мужчина в очках отрывает взгляд от страницы, смотрит на меня. Видимо, узнал по авторской фотографии в журнале. Самое время вступить в разговор: объяснить, рассказать о нашем издании. Я рассказываю, поясняю. Завязывается диалог. Несколько

человек подходят ближе, прислушиваются. У второго столика остановилась девушка в вязаной кофточке и джинсах. Понимаю, что нужно усилить её внимание хотя бы комментарием, но разговор с женщиной ещё не окончен. На помощь приходят соратники-авторы. Двое из них, только появившись у стенда, окружают девушку своим вниманием, третий наливает воду в электрочайник.

Мужчина уходит с последним номером журнала, девушка, сославшись на то, что ей надо сначала всё посмотреть, а потом уже решить, что купить, направляется дальше по проходу — к другим стендам. Соратники садятся пить чай. День начался.

К столикам подходят новые любители чтения и просто любопытные.

Я тоже наливаю в пластиковый стаканчик кипятку, опускаю чайный пакетик.

Суббота, четвёртое ноября. С утра, торопясь, как-то не подумал, а вот сейчас вспомнил, что четвёртое ноября — один из памятных дней моей жизни. Не всегда, не каждый год, но всё же вспоминается мне день четвёртого ноября 1967 года. Тогда тоже была суббота. Пятьдесят лет назад...

Уже ПЯТЬДЕСЯТ!

С нашим литературным журналом я участвую в книжных ярмарках в десятый раз. И каждый раз, когда утром прихожу к нашему стенду, кажется, что никуда отсюда не уходил, и новый день, и новая ярмарка каждого года — как продолжение дня прошлого, позапрошлого, пятилетней, семилетней давности.

Вот так у меня и с днём четвёртого ноября 1967 года. Когда наступает эта дата, я будто снова возвращаюсь на годы назад. Десять, пятнадцать, тридцать четыре — и вот пятьдесят...

День четвёртого ноября каждого года для меня — продолжение и начало одного бесконечного дня. Вот мне сорок девять... вот тридцать четыре... вот двадцать пять...

А на календаре всё то же — четвёртое ноября 1967 года. На улице кружит снежок, жжёт лёгкий морозец...

Пятьдесят лет назад мне было девять лет, я учился в третьем классе начальной железнодорожной школы номер сорок пять станции Тайшет и мечтал стать

лётчиком-истребителем. На радость нам, четвёртого ноября на втором уроке учительница раздала всем табели успеваемости, объявила об окончании первой четверти и отпустила на каникулы до десятого ноября.

Мы жили метрах в трёхстах от школы, в большом (как казалось мне тогда) тринадцатиквартирном доме, и это расстояние я не пробежал — пролетел со скоростью стрижа.

«Ура! Ка-ни-ку-лы!!!»

Моя сестрёнка-первоклашка Ольга уже была дома и не без удовольствия показывала свой табель отцу и бабушке.

— Ольга у нас ударница! — с гордостью сказала мне бабушка, помогая переодеть носки младшей сестре Лене.

— И я ударник! У меня ни одной тройки нет! — ещё радостнее закричал я, доставая из ранца-портфеля свой табель.

— Ну и молодцы, ударники! — похвалила нас бабушка. — Сейчас вот мать придёт, будем пельмени есть. Утром за ней приходили: вызвали в контору строительства. Наверное, насчёт демонстрации седьмого ноября.

Я с радостью подумал о предстоящей через три дня демонстрации. За нашей школой закрепили «Аврору» (автомобиль ГАЗ с надстроенными кормой, носом, трубами и даже пушкой), и за ней мы должны были идти всей нашей небольшой начальной школой. Мы гордились «Авророй», потому что у других городских школ были только «броневики», но всё же завидовали средней железнодорожной школе, учителя и отличники которой прибывали на митинг к перрону станции на бронепоезде «Варяг», украшенном стягами и красным знаменем. Всё дело было в шефах. Нашу школу опекал ремонтно-механический завод, а среднюю — локомотивное депо. Остальным школам помогали две автобазы и стройуправление. Стройуправленцы со своими подшефными вообще шли стройными рядами со стягами и транспарантами, не используя никакой передвижной техники и изображая революционные массы: солдат, матросов, красногвардейцев с красными бантами и лентами.

Пока я показывал отцу свой табель и думал о предстоящей демонстрации, напротив окон нашей квартиры остановился грузовик. Мы с сестрой бросились к окну, но добежать до него не успели, потому что в дверях показалась

сияющая мать, в правой поднятой руке у неё была связка ключей.

— Нам дали квартиру! Благоустроенную! В новом доме! Переезжаем!

Лицо матери светилось от счастья.

— Когда? — спросила бабушка, уже стоявшая у плиты и готовая варить пельмени.

— Сегодня! Сейчас! Машину выделили!

— Ура! — закричали мы с сестрой и запрыгали, прихлопывая в ладоши. — Мы переезжаем в новую квартиру! Ура!

В доме началась радостная суматоха. Про пельмени забыли. Бабушка и мать стали доставать из шифоньера и шкафов одежду и связывать её в большие узлы. Отец выдвинул на середину стол. Сестрёнка стала складывать ложки, вилки и ножи в коробку из-под обуви, а я бросился к своей деревянной лошадке. Лошадку на колёсах мне купили на день рождения, когда мне исполнялось четыре года. С тех пор она пережила два переезда и несколько мест хранения. Бока её были потёрты, одно деревянное колёсико треснуло и уже не крутилось. Мать и бабушка несколько раз хотели выбросить лошадку, но я не давал и хранил её за диваном, на котором спал.

— Сергей, беги за дядей Игорем. Шифоньер без него не погрузим, — остановил меня отец.

— Мою лошадку не забудьте! — крикнул я, уже одеваясь.

— Да не забудем. Сам ещё её успеешь унести, — сказал отец. — Давай побыстрее. Машина ждёт.

Вместе с нами жила одна наша бабушка. «Мамина мама», — говорила о ней иногда моя сестра Ольга. А я в тот день мчался по улице Партизанской к дому второй бабушки и деда («папиной маме» и «папиному папе»), где жил и брат отца — дядя Игорь. Вообще-то я никогда не звал его дядей и обращался к нему по имени.

Игорь, как и отец, работал в пункте технического осмотра вагонов, слесарем по ремонту подвижного состава.

Мне повезло: Игорь отбрасывал снег от ворот дома, расширяя пешеходную дорожку. Он не сразу понял, что от него требуется. Я рассказывал ему о нашем переезде эмоционально и сбивчиво.

— Стоп, стоп, стоп! — остановил меня дядька. — Я правильно понял: вы переезжаете и нужна моя помощь?

— Да...

— Хорошо, — сказал Игорь, открывая мне ворота. — Пойдём в дом, мне надо переодеться.

Я первым вбежал в дом сообщить новость деду с бабушкой.

Бабушка возилась возле печки, а дед сидел в комнате за столом с развёрнутой газетой.

— Переезжаете? — спросил дед в ответ на моё радостное сообщение, снимая очки и отодвигая от себя газету. — А куда? В каком доме дают квартиру?

Я замер на месте. Я не знал, куда и в какой дом мы переезжаем. От всплеска радостных чувств после известия о переезде я ни о чём не мог уже думать, как только о новой квартире, и даже не спросил у матери, где будет наш новый дом.

— Вот так, едешь и не знаешь куда, — сказала, улыбаясь, мне бабушка. — Где теперь искать вас будем?

Дед поднялся из-за стола.

— Пойду и я к вам, пока не уехали в неведомом от нас направлении, узнаю, что и как.

Игорь собрался раньше деда, и мы с ним пошли вперёд.

В детстве расстояние от бывшего нашего дома до дома деда мне казалось огромным, но, как известно, по мере взросления человека горизонты раздвигаются, а расстояния сокращаются. Несколько позже, будучи уже старшеклассником, я проходил это расстояние неторопливой походкой за пятнадцать минут.

А в тот день, четвёртого ноября 1967 года, мы с дядей Игорем быстрым шагом дошли от точки «А» до точки «Б» минут за десять.

Круживший с утра и в обед лёгкий снежок перестал падать, и чувствовалось, что немного потеплело. Возле машины, готовые к погрузке, уже стояли два стола — общий кухонный и наш с сестрой письменный, посудный шкаф-буфет, табуретки и стулья. На столах лежали связанные тюки. Отец с водителем вытаскивали из дома шифоньер. Игорь бросился им помогать.

— Куда едете-то, Николай? — спросил он у брата. — А то Серёжка ничего нам не говорит. Скрывает, видно...

— Да на Спортивной дом сдают — пятиэтажный. На углу Гагарина, — объяснил отец. — На третьем этаже жить будем...

— Высоко! — улыбнулся Игорь.

Не прошло и получаса, как почти вся наша мебель, включая диван и разобранные железные кровати, разместилась в кузове бортового «газика».

Когда все вещи, готовые к перевозке, оказались на машине, подошёл дед.

— Давай, батя, в кабину, поедем с нами, квартиру новую посмотришь, — сказал ему отец.

Отец с дядькой забрались в кузов — придерживать шифоньер. Я с лошадкой в руках хотел было полезть следом, но отец остановил:

— Куда? Замёрзнешь здесь. Иди в кабину, если шофёр разрешит.

Я подошёл к открытой кабине, где рядом с водителем сидели дед и мать.

— Ну, что встал? — спросил меня водитель. — Залазь уж...

Я сел к матери на колени, а на своих коленках пристроил лошадку.

— Показывай, Валентина, шофёру, куда ехать! — крикнул нам весело из кузова Игорь.

— Да я дорогу знаю, — сказал шофёр по имени Володя, молодой, примерно лет двадцати пяти, парень. — Я сам к этому дому и шифер, и цемент всё лето возил.

Бабушка и Ольга провожали нас, стоя у калитки. Они оставались с младшей сестрёнкой Леной ждать нашего возвращения.

«Газик» поехал по улице Терешковой, свернул возле поликлиники на Гагарина и привёз нас к новому дому из красного кирпича, гордо возвышающемуся над мрачными чёрными деревянными бараками, построенными три десятка лет назад для спецпереселенцев.

Целый год ходил я с друзьями мимо огороженной забором стройки смотреть кино в клуб стройучастка и видел, как росли, поднимались этажи, но не мог и подумать, что буду жить в этом доме! В первой пятиэтажке в городе!

Мы ещё спорили с пацанами, строили догадки, сколько будет этажей. Три? Нет, вот четвёртый начали... Что, ещё

выше? Неужели — пять? А может, больше — шесть или восемь? Но нет — уже крышу делают... Всё-таки — пять.

Наша машина остановилась у второго подъезда. Возле других подъездов суетились новосёлы, разгружали и заносили мебель.

Водитель Володя открыл задний борт «газика».

— Ну что, разгружаем? — сказал вопросительно он, кивнув на кузов, гружённый нашими вещами.

Дед остался возле машины — охранять наши вещи, а я, пока отец с Игорем, при помощи водителя Володи, поднимали шифоньер по лестнице, забежал на третий этаж и остановился возле квартиры с номером двадцать три.

— Я первый зайду, я первый! — кричал я матери, идущей за мной следом, подпрыгивая от нетерпения и прижимая к себе лошадку.

Мой восторг усилился и достиг своего зенита, когда дверь квартиры открылась и я вбежал сначала в прихожую, потом на кухню, затем обследовал одну комнату, другую, обнаружив небольшую кладовку, соединяющую обе комнаты.

Одно открытие за другим ждали меня в нашей новой квартире.

Батареи водяного отопления, водопроводный кран, ванная, балкон. Всё это удивляло меня, но больше всего поразил титан. Чёрный, круглый, вытянутый бак с маленькой топкой у пола и дымоходной трубой, уходящей в стену, у потолка.

Как я узнал потом, титан заполнялся холодной водой. Его нужно было растапливать маленькими короткими полешками. Когда вода нагревалась, можно было принимать ванну или стирать. Горячую воду в то время в благоустроенные дома нашего города ещё не подводили. Не было в нашем доме и электропечи. Вместо неё несколько лет стояла обыкновенная, привычная нам по старому дому кирпичная печка, с общими дымоходами со второго по пятый этажи. Она, конечно, давала какое-то тепло, но больше была предназначена не для обогрева квартиры, а для приготовления пищи. Поэтому жители нашего дома запасались дровами и углём.

И ещё одна особенность была у нашего дома. Первый этаж не предназначался под жилые квартиры. С одного торца располагалась парикмахерская, а с другого —

кафетерий, куда мы, дети, часто бегали потом пить соки и газировку, покупали там пирожные и разную выпечку. Любили кафетерий и некоторые взрослые — там продавали вино на розлив. Но бóльшую часть первого этажа всё-таки занимали два магазина — продуктовый и промтоварный, а также ателье мод под названием «Элегант». В ателье был большой пошивочный цех, и позже почти все подростки нашего дома ходили с родителями заказывать себе модные по тем временам брюки-клёш.

Но это было позже, через два или даже три года, когда все жители нашего дома уже знали друг друга по именам и фамилиям. Знали, кто в какой квартире, на каком этаже и в каком подъезде живёт. Кто где и кем работает. Много потом случилось разных историй с жителями нашей пятиэтажки — весёлых и грустных, печальных и даже скорбных, но всё это было потом, а тогда, в день четвёртого ноября 1967 года, в день, запомнившийся мне на всю жизнь, я был счастлив.

В тот день мы переехали в новый дом, в новую благоустроенную квартиру. Перевезли и перенесли всё наше имущество из квартиры старой. Поставили шифоньер, диван, столы, собрали во второй комнате-спальне большую бабушкину кровать. Целый день все мы были на ногах, но никто не чувствовал усталости. Отец к тому же ещё пошёл вечером на работу — во вторую смену, а мы с матерью, бабушкой и сёстрами раскладывали вещи и расставляли посуду на полки и в шкафы. Все вещи за один день разобрать не смогли, и несколько тюков так и остались не развязанными.

Уже ближе к полуночи бабушка с младшей сестрой Леной пошли спать на большую кровать. Мать расстелила два матраса на полу и легла с сестрой Ольгой в зале, недалеко от батареи и не развязанных тюков. Я хотел тоже пристроиться спать на полу, но мать отправила меня на неразборный диван с валиками, на котором я спал в старой квартире и который считался моим.

Я долго не мог уснуть. Чувство восторга всё клокотало и клокотало во мне. В предчувствии нового и хорошего будущего я наконец заснул абсолютно счастливым и видел во сне синее небо и белые облака, наш новый дом и себя за штурвалом самолёта.

Ощущение счастья и предчувствие хорошего продолжались у меня и всех нас и на второй день, и на третий, и в день седьмого ноября, когда мы шли по заснеженным улицам города за крейсером «Аврора» и кричали «Ура!» приветствующим нас «красногвардейцам» и «красноармейцам». Мы кричали «Ура!» и «Да здравствует пятидесятая годовщина Октябрьской социалистической революции!» прибывающему к первому пути вокзала бронепоезду «Варяг».

Город тонул в красных стягах и транспарантах. Несмотря на морозец, по улицам ходили улыбающиеся, счастливые люди и поздравляли друг друга с праздником.

Это было пятьдесят ноябрей назад. Мне было тогда девять лет, моей матери — двадцать девять, отцу — сорок один, деду в тот год исполнилось семьдесят лет, а дяде Игорю — двадцать восемь.

Книжная ярмарка заканчивалась шестого ноября 2017 года, в понедельник. В стране этот день объявили нерабочим. Несмотря на это, пришли на ярмарку немногие. Некоторые из участников ещё вчера закончили свою работу, и их стенды пустовали.

После пятнадцати часов мы с коллегами тоже собрали книги и журналы и направились к выходу.

Отшумела очередная Красноярская ярмарка книжной культуры. Очередной ноябрь набирал ход. Заканчивалась его первая неделя.

А седьмой день ноября 2017 года не был красным днём календаря, он был обыкновенным рабочим днём. Не подъезжали к перрону в больших городах и маленьких станциях бронепоезда, не ходили по улицам «Авроры» и «броневики», не трепетали на ветру в большом количестве флаги и красные стяги. Страна уже четверть века не отмечала очередную годовщину Октябрьской революции. И погода, как бы подстраиваясь под новые веяния, уже много лет в этот день не жгла хорошим морозцем и не баловала обильным снежком.

Но некоторые люди всё же приносили красные флаги в день седьмого ноября 2017 года в городах России к памятникам вождю мирового пролетариата. Энтузиасты вскрывали капсулы-послания молодёжи 2017-го из года 1967-го.

Пятьдесят лет назад во многих городах на проходных крупных заводов, в городских мемориалах и скверах комсомольцы шестидесятых годов двадцатого века оставляли письма своим потомкам с наказом любить Родину. Молодёжь середины двадцатого века верила, что люди с планеты Земля в 2017-м будут летать к далёким планетам и строить города на Луне и Марсе.

Их смелые пророчества не осуществились. Жители планеты Земля второго десятилетия двадцать первого века редко теперь смотрят на звёзды. Молодые и люди среднего возраста чаще сидят у мониторов компьютеров или постоянно вглядываются в экраны своих смартфонов и айфонов. Многие из россиян мечтают о богатстве, крупногабаритных квартирах, дорогих автомобилях иностранного производства. Им не нужны звёзды и пыльные дороги далёких планет. А некоторые вообще предпочитают виртуальный мир миру реальному, они совершают свои «подвиги» и делают «открытия» внутри компьютерных программ. У них нет ни малейшего желания отправить послание тем, кто будет жить через пятьдесят ноябряей. В далёком от нас 2067 году. Они даже и не думают об этом.

— А какой смысл? — сказал мне один семнадцатилетний паренёк, когда мы заговорили с ним об этом. — Через пятьдесят лет люди будут настолько продвинуты, что о нас, тех, кто жил в две тысячи семнадцатом, и не вспомнят. И наши послания им покажутся наивными и смешными.

А всё же интересно: будут ли через пятьдесят лет люди жить на Луне и Марсе?

Я верю: об этом точно узнает нынешний девятилетний мальчик, который ходит по утрам в третий класс своей школы. Всё равно какой — городской или сельской. Может, московской, может, красноярской, может, тайшетской.

Он, как и я в его годы, весел, беззаботен и счастлив. Впереди у него ещё пятьдесят ноябряей.